

ЯЗЫК И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Т.Ю. Загрязкина

ДИНАМИКА СИМВОЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ: ОТ МЕСТ ПАМЯТИ К МЕСТАМ ПЕРЕХОДА (НА ПРИМЕРЕ ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ ДИСКУРСОВ)

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; tatiana_zagr@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается терминология исследований культурной памяти — обозначений референтных точек и/или векторов культуры, важных для идентификации человека и коллектива. Показывается, что символизация культуры может происходить в разных формах — автор рассматривает номинации, которые используются во франкоязычной научной литературе при разработке концепций мест (*lieux*): мест памяти, мест знания, не-мест, мест перехода. Большая часть наименований с компонентом *место* все еще близка к метафорам и недостаточно известна русскоязычной аудитории. В статье поставлена цель проследить эволюцию ряда обозначений, предложенных франкоязычными авторами второй половины XX — начала XXI в. в рамках теорий мест культуры, которые могут найти более широкое применение в отечественной науке. На материале Франции и Квебека устанавливается, что во франкоязычном научном дискурсе референтные точки культуры могут ассоциироваться с символикой мест и отражать две стороны бытования самой культуры: статическую и динамическую. Эти стороны взаимобратимы: в процессе развития культуры и языка возникают новые референции, при этом «старые» референции хранятся в памяти, забываются и вновь всплывают на поверхность, пересматриваются и перерабатываются. Взаимообмен и переосмысление старых и новых референтных точек, мест памяти и мест перехода являются признаком и условием развития общества, культуры и дискурсов об обществе и культуре на разных этапах истории.

Ключевые слова: символизация культуры; культурная память; культурная референция; места памяти; места знания; не-места; места перехода; франкоязычный научный дискурс.

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-1-3

Загрязкина Татьяна Юрьевна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; tatiana_zagr@mail.ru

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Загряжкина Т.Ю. Динамика символизации культуры: от мест памяти к местам перехода (на примере франкоязычных научных дискурсов) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 37–48.

Символизация культуры привлекает внимание многих исследователей — историков, культурологов, филологов. В данной статье мы обратимся к обозначениям референтных точек — символов культуры, и/или векторов культуры, важных для идентификации человека и коллектива. Как и многие другие термины, обозначения референций и символов культуры варьируются в рамках разных научных школ и традиций. Среди идентифицирующих символов упоминают «знаки, сигнализирующие об идентичности», «средства символического различения» [Барт, 2006: 39, 44 и др.], «знаковые символические атрибуты» [Плассеро, 2019: 149]; «маркеры» [Баранова, 2019: 27]; есть и другие обозначения. Среди них выделяется группа номинаций, прямо связывающих человека и культурное пространство и имеющих своим компонентом лексему *место* (*lieu*).

Данные номинации используются, в частности, во франкоязычной научной литературе второй половины XX — начала XXI в. «Места человека» (*lieux de l'homme*), «места памяти» (*lieux de mémoire*), «места перехода» (*lieux de passage*), «места знания» (*lieux de savoir*), «места творчества» (*lieux de création*), есть еще «не-места» (*non-lieux*) и «вне-места» (*hors-lieux*) — этот ряд, возможно, не закрыт. Цель статьи — проследить эволюцию обозначений этого ряда, часть из которых превратилась в интернациональные термины, используемые в том числе в отечественной научной литературе в большей или в меньшей степени («места памяти», «места знания»). Другая часть все еще близка к метафорам и недостаточно известна русскоязычной аудитории, но может быть полезной при изучении проблем идентичности и культурной памяти.

Еще в 1950-е годы французский философ и социолог М. Гальбвакс показал, что память, как индивидуальная, так и коллективная, не представляет собой сплошного потока, а имеет высветленные фрагменты, которые сохраняются и транслируются другим поколениям, и затемненные фрагменты — зоны забвения. Работа Гальбвакса до сих пор не утратила актуальности, она имеет значение и для нашей темы: обозначение «место», *lieu* еще не появилось, но была сформулированная идея коллективной памяти и ее референций [Halbwachs, 1950]. В конце 1960-х годов квебекский социолог и философ Фердинан Дюмон выдвинул понятие «место человека» (*lieu de l'homme*),

содержащее лексему «место». По мнению Ф. Дюмона, культура является местом человека как сочетание связей его сознания и окружающего мира [Dumont, 1968].

Развивая это направление дальше, в начале 1980-х годов французский историк П. Нора предложил термин «место памяти» (*lieu de mémoire*), в котором объединяются оба компонента — память и место, отсылающие и к времени, и к пространству. Этим двуединым термином П. Нора обозначил «остатки» (*restes*) другой эпохи, значимые для современности, которые сохранились в памяти благодаря «воле людей и работе времени». Концепция стала во Франции популярной, ср. название *Les lieux de mémoire* фундаментального коллективного труда — многотомного (civm книг) сборника статей под редакцией П. Нора, приуроченного к 200-летию французской революции [Les lieux de mémoire, 1984–1992].

Теория и методология П. Нора почти сразу привлекли внимание отечественных авторов [Автономова, Караулов, Муравьев, 1988], при этом обозначение *места памяти* в русской научной традиции какое-то время не было ассимилировано, и его первый компонент заключался в кавычки — «места» памяти. Возможно, именно поэтому Ю.Н. Караулов предложил аналог этого термина — «*вехи памяти*», утверждая, что проблема требует систематической разработки и на русском материале [Караулов, 1999: 36]. Обозначение «*вехи памяти*» осталось окказиональным, однако с тех пор появились десятки работ российских авторов, в которых словосочетание «*места памяти*» используется как устойчивый термин.

Согласно концепции П. Нора, культурное пространство человека и коллектива представляет собой пространство имен, событий, артефактов, памятников, дат, речей, представлений о языке и т.д. Полного «списка» мест памяти французов, естественно, не существует, и все же П. Нора обозначает комплекс общенациональных символов французов: Галльский петух; Старшая дочь церкви (имеется в виду католическая церковь Франции); Карл Великий; Жанна д'Арк; Король; Государство; Париж; Декарт; Свобода, Равенство, Братство; Гений (Дух) французского языка. Как видно из этого перечня, он включает реальных исторических деятелей; обобщенные символы; столицу Франции; национальный язык, точнее, его «дух». Эти референтные точки очерчивают круг национальной памяти как единого целого и не выходят за пределы страны.

Одновременно с выходом первых томов «Мест памяти» под редакцией П. Нора была опубликована лекция М. Фуко «Другие пространства», прочитанная им ранее в 1967 г. М. Фуко показал динамику культурного пространства в разные периоды его истории: место (*lieu*), протяженность (*étendue*), местоположение (*emplacement*).

По Фуко, в Средние века «пространство локализации» представляло собой иерархию множества мест: «места священные и места профанные, места защищенные и, наоборот, места открытые и незащитные, места городские и места сельские (это касается реальной жизни людей); в космогонической теории существовали места наднебесные, противопоставленные месту небесному; место же небесное, в свою очередь, противопоставлялось месту земному <>» [Фуко, 2006: 192]. По Фуко, представление о фокусировке пространства изменяется во времени: открытие Галилея в XVII в. распахнуло пространство, и средневековые «места» уступили место «протяженности»; в наше время «протяженность» сменяется «местоположением», или локацией между точками. *Место* фиксировано и включено в иерархию других мест; *протяженность* устремлена в безграничность; *местоположение* характеризуется относительностью. Пространство человека Для Фуко не гомогенно: «Пространство, где мы живем, ... само по себе является еще и гетерогенным». Гетерогенность, или гетеротопия, позволяет сопоставлять в одном месте «несколько местоположений, которые сами по себе несовместимы». Виды пространств — *гетеротопии* (hétérotopies), с одной стороны, могут восприниматься как константы, результат «накопления времени», с другой — как нечто ускользающее, временное, преходящее [там же: 195, 196 и др.]. И в том, и в другом случае человек оказывается на пересечении двух осей координат — пространства и времени.

Связь пространства и времени, освоенная человеком, изучается и в отечественной научной литературе. Так, термин «*хронотоп*», предложенный А.А. Ухтомским для физиологических исследований, использовался М.М. Бахтиным при изучении литературы. По Бахтину, человек в литературе «всегда хронотопичен», при этом ведущим началом в хронотопе является время. Ученый не касался хронотопа в других сферах культуры, подразумевая, что в них он тоже существует [Бахтин, 1975].

Динамический вектор теории мест, восходящий к гетеротопии М. Фуко и сопоставимый с хронотопией А.А. Ухтомского и М.М. Бахтина, получил свое развитие в коллективном труде “*Les lieux de savoir*” (*Места знания*), вышедшем во Франции под редакцией Ш. Жакоба [Les lieux de savoir, 2007]. Под *местами знания* (*lieux de savoir*) Ш. Жакоб подразумевает динамическое пространство интеллектуального опыта, коллективного и индивидуального, вовлекающего индивидуума в группу — образовательное, научное или интеллектуальное сообщество. Места знания могут иметь материальное и нематериальное воплощение, как: а) места хранения и производства знания — научные сообщества, «ученые миры»; кабинеты, библиотеки, университеты, архивы, музеи, компьютерные

банки данных и т.д.; б) инструменты политики — регистрирующие и законодательные органы; в) территории, связанные маршрутами распространения знаний и технологических инноваций.

Ш. Жакоб апеллирует к концепции мест П. Нора, внося в нее идеи трансмиссии, передачи знания, пересечения границ территории, научной дисциплины, эпохи. Вводятся компоненты сопоставления, движения, изменения, выхода на более широкие пространства, связанные между собой переплетающимися линиями: как диахронными, так и синхронными. Так, например, сопоставляются вступительные экзамены в привилегированные Высшие школы Франции, процедура защиты диссертации в современном университете и конкурсы чиновников в императорском Китае. И те, и другие испытания содержат идеи преодоления рубежа, инициации, открывающие участникам путь к высшим достижениям. Компоненты сопоставления и развития, отсутствующие в концепции мест памяти П. Нора, позволяют Ш. Жакобу выявить интерактивный характер памяти людей, ведущих диалог во времени и в пространстве, актуализировать взаимодействие эпох и культур, объединить научные миры и миры технологий. Ш. Жакоб опирается на работы социологов П. Бурдьё и М. Серто с их вниманием к повседневным практикам, в данном случае практикам наук и технологий. В теории мест знания не придается большого значения великим именам и событиям, во время как в концепции Нора они являются основой идентичности.

В российской научной традиции концепция мест знания, разработанная Ш. Жакобом, известна в меньшей степени, чем концепция мест памяти, однако она вызывает интерес, в частности, в контексте изучения образовательных структур франкофонии, связанных между собой переплетающимися линиями [Крюкова, 2017]. Роль места в производстве знаний является предметом англосаксонских исследований конца XX — начала XXI в.; с опорой на англоязычную традицию к этой теме обращаются отечественные авторы. Так, в своем исследовании «пространственного поворота» в истории науки и техники Н.В. Никифорова анализирует работы Д. Опитца, С. Бергвика, Б. Латура, Д. Левингстоуна и других англоязычных ученых, установивших зависимость производства знания не только от временного, но и от пространственного фактора. В этих работах выявляются пути институализации научного знания в контексте пространства как социокультурного конструкта, устанавливается роль традиционных мест науки (кабинет, лаборатория, музей, др.) и «альтернативных мест» (домашнее пространство, паб) [Никифорова, 2021].

Идея альтернативных мест разрабатывается и во франкоязычной традиции. Так, при трактовке Вандейского восстания (1793), истории Парижской коммуны (1871) и других событий П. Нора и другие

авторы обращали внимание на расхождения и даже конфронтацию «официальной», vs национальной памяти и памяти «неофициальной». Полемизируя с П. Нора, французский социолог М. Оже решает вопрос альтернативных мест по-иному [Augé, 1992]. Исследователь выделяет две группы мест: культурологически значимые, или антропологические места (*lieux*), и обезличенные не-места (*non-lieux*). Антропологические места имеют идентифицирующие функции, обладают внутренними связями и историей, пусть и «музеифицированной». Антропологическое место — это «частично материализованная» идея людей об их отношении к территории, истории, другим людям. Не-места (именно так М. Оже назвал свою книгу) — это территории современной жизни и разрушения культурных связей. Среди таких пространств, не имеющих антропологического значения и не напоминающих людям об их культурных и исторических корнях и связях — аэропорты, самолеты, автострады, гостиницы, супермаркеты и другие места большого скопления людей, обезличивающие всех, кто туда попадает. Например, старые добрые поезда, перемещающиеся на небольшой скорости и позволяющие любоваться пейзажем, городами и поселками — это места; скоростные поезда, мчащиеся на огромной скорости и не оставляющие пассажирам возможности рассмотреть и оценить то, что мелькает за окном — не-места. В наименованиях акторов этих пространств также заложена двусторонняя оппозиция: в поездах ездят путешественники (*voyageurs*), в скоростных поездах — пассажиры (*passagers*). (В развитии концепции можно продолжить этот ряд: путники, паломники, странники (*pèlerins, rôdeurs*) идут пешком, бродяги, скитальцы (*vagabonds*) — часто пешком, не имея видимой цели; и те и другие не просто перемещаются, а осваивают пространство «мест».) По Оже, в не-местах есть специально отведенные зоны для «цитат» о прошлом: сувениров с Эйфелевой башней, фотографий исчезнувших исторических построек и т.д. Таким образом места утрачивают реперный характер и уходят в область «сувениров» и «цитат» — свидетелей утраты и / или девальвации прошлого.

Не заставляет себя ждать и более радикальный вывод, который делают философы. Отдавая должное концепции П. Нора, П. Рикер тем не менее утверждает, что «сохранение образов» прошлого есть лишь форма забывания, которая пока сопротивляется забвению [Рикер, 2004: 604]. Ф. Досс и вовсе заключает, что прошлое, в принципе, не является «местом человека». Человек дистанцируется от прошлого, и только при этом условии может вести с ним диалог, не всегда принимая и часто критикуя прошлое [цит. по: Létourneau, 2010: 31].

Проблема культурной памяти активно изучается и в Квебеке [Загрязкина, 2014]. Девизом этой франкоязычной провинции Канады

является отсылка к прошлому *Je me souviens* (Я помню), отражающая стремление сохранить и передать память другим поколениям. Отталкиваясь от концепции П. Нора, франко-канадский исследователь Жослин Летурно соглашается с ним в том, что общество обеспечивает свое воспроизводство путем созданий референтных точек — это могут быть персонажи, события, факты языка и другие символы. При этом он не соглашается с преимущественной отсылкой к прошлому и недооценкой символических связей современного общества. В концепции П. Нора референции фиксируются в форме *фиксированной типической* идентичности, заключенной в определенные границы. Ж. Летурно заключает, что в этом случае современники рассматриваются как наследники, получающие неизменную идентичность. Между тем новые поколения не пассивны, а креативны: «Нация наследников и нация отцов принципиально различаются в своей основе: наследник находится в поисках идентичности, в то время как отец считает, что он уже нашел свою идентичность и идентичность своих потомков» [Létourneau, 2010: 212].

Критикуя статичную, с его точки зрения, концепцию мест памяти, Летурно предлагает динамическую теорию «мест перехода» (*lieux de passage*). Согласно этой теории, общества существуют только в состоянии перехода, при этом цель передачи памяти — не механическое воспроизведение ценностей прошлого, а диалог через поколения. Участниками этого диалога будут представители разных коллективов, принадлежащих к одной, но изменяющейся культуре. Вместо фиксации прошлого — движение, метаморфоза, изменение в символическом воспроизведении ценностей: люди переживают не только корни и привязки к прошлому, но и свой отрыв от них. Говоря об этих изменениях, Летурно употребляет глагол «перекомпоновываться» (*recomposer*): в своих действиях, представлениях и нарративах общество перекомпоновывается в новых формах, и *место перехода* становится *местом творчества* (*lieu de création*). Большая роль при этом отводится языку. Язык — это связующая нить, лиана, позволяющая приблизиться к корням или дистанцироваться от них [Ibidem: 167–169]. Образ лианы отсылает к гибкости, движению, поиску новых опор.

Отношение к французскому наследию в Квебеке всегда было центральным при установлении идентичности, а вопрос о языке — главным вопросом, «“la” question par excellence». При этом ответ на этот вопрос, как и трактовка языковой «ошибки» — фактора «нарушения» идентичности, претерпевали изменения. По мнению Ж. Летурно, взаимодействие языков в Квебеке — один из главных источников движения и развития идентичностей. Это взаимодействие проявляется в культуре, в частности, в «литературной миграции» — взаимодополняющем использовании в литературе элемен-

тов разных языков и литературных вкраплений [Ibid.: 171; 174], а также в речи как полифония форм и акцентов. В отличие от ситуации во Франции и сопредельных с ней Бельгии и Швейцарии, внутренний динамизм франко-канадского не сдерживается жестким авторитетом письменных форм, и дистанция между устным и письменным языком сокращается. По образному выражению франко-канадских лингвистов, французский язык Квебека «бурлит», и это «бурление» (*bruissement de la langue au Québec*) свидетельствует о его креативности и жизненной силе [Villers, 2008: 584–585]. Отход от французской литературной нормы в современном Квебеке уже не воспринимается как «брыкание жуаля»¹ [Le français au Québec, 2008: 27–32]. Этот отход поддерживается лингвистами и выражается в создании «Тезауруса французского языка Квебека» (*Trésor de la langue française au Québec*), разработке общепольской компьютерной терминологии, позволяющей хотя бы отчасти дистанцироваться от глобального английского. Пишут о «квебекском стандарте» и иерархии узусов внутри Квебека, о стремлении к созданию собственных языковых норм [Cajolet-Laganière, Martel, 2008: 586]. Правда, в полной мере они так и не зафиксированы.

Ж. Летурно считает язык особой ценностью, местом памяти, культурным наследием и фактором идентичности, но не только этим. Он считает язык местом перехода, позволяющим отдалиться от корней, но не оторваться от них, создать новые опоры и новые референции. Акцент, новые значения, заимствования, ассимиляции и перемешивания в языке отражают культурные обмены, происходящие в пространстве Квебека [Létourneau, 2010: 177]. Языковое перемешивание, происходящее на уровне повседневной устной или письменной практики, можно считать беспорядочной «какофонией», а можно, вслед за Ж. Летурно — взаимодействием референтных связей, или «интер-референтией» внутри общества.

Благодаря этой интерреферентии образуется особое поле, как пишет Летурно, — *oïkos* (дом, жилище, природа вокруг жилища), или *habitabilité québécoise*, — квебекское обитаемое пространство [Ibidem]. Это обозначение отсылает к концепции «обитаемого пространства», *espace vécu*, разработанной Г. Башляром, М. де Серто, др. По мнению Башляра, «обитаемые пространства» — это пространства, ценные для человека, отражающие мир его грез и образов, защищенные от враждебных сил и потому «счастливые» (*espaces heureux*). Среди метафор «ящик», «сундук», «шкаф» (вместилище вещей), «гнездо», «раковина» (вместилище живых существ), «ком-

¹ Термин *joual* — от искаженного *cheval*, лошадь — обозначает речь городских низов Монреаля.

ната», «дом» — места человека. Г. Башляр видел в любом вместилище «начальный принцип раковины» и более сложный принцип дома, имеющего защитные границы: «любое поистине обитаемое пространство несет в себе сущность понятия дома», «воображение работает в этом направлении, едва лишь обретено какое-либо убежище ... возводит “стены” из бесплотных теней, ободряет себя иллюзией защищенности или, напротив, дрожит за толстыми стенами, сомневается в прочности крепких заграждений» [Башляр, 2004: 24, 26, 22].

Концепт Летурно *habitabilité québécoise* (квебекское «вместилище», «обитаемое пространство») перекликается с пространством Башляра, но отличается от него отсутствием идеи раковины и границы. Это не закрытое пространство Башляра, а открытое и изменчивое место. По Летурно, квебекское пространство *oïkos, habitabilité québécoise* населено своими жителями *habitants*. Лексема *habitants* отсылает к историческому обозначению оседлых первопоселенцев — крестьян, живущих на земле. В отличие от них, другая категория первопоселенцев, промышлявших охотой (*chasseurs*), меняла место пребывания. Круг замыкается: места памяти трансформируются в места перехода, места перехода оказываются местами памяти.

В заключение отметим, что символы культуры в научном дискурсе могут ассоциироваться не только с точками, или местами в пространстве, но и с движением этих точек, приводящим к переконпоновке пространства во времени: местами человека, местами памяти, местами знания, местами перехода, не-местами и др. В работах Ф. Дюмона, П. Нора, М. Фуко, Ш. Жакоба, П. Рикера, Ж. Летурно, М. Оже другие обозначения с компонентом *место* стали частотными и перешли из разряда ключевых слов и образов в разряд терминов, имеющих разные трактовки. Разнообразие трактовок отражает динамику франкоязычной научной традиции и эволюцию культур франкоязычных стран и регионов (Франции, Квебека и др.).

Символизация культуры в контексте теорий мест свидетельствует о сохранении образности указанных обозначений, отражающей две стороны бытования самой культуры: фиксированную и подвижную. Эти стороны взаимосвязаны: в процессе развития культуры и языка возникают новые референции, при этом «старые» забываются, хранятся в уголках памяти и вновь всплывают на поверхность, пересматриваются и перерабатываются.

Исследованные в статье понятия и их обозначения могут быть шире использованы в отечественных разработках: взаимообмен и переосмысление старых и новых референтных точек, мест памяти и мест перехода являются признаком и условием развития любого общества и его научных дискурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Автомонова Н.С., Караулов Ю.Н., Муравьев Ю.А.* Культура, история, память: о некоторых тенденциях новейшей французской историко-методологической мысли // *Вопросы философии*. 1988. № 3. С. 71–87.
2. *Баранова В.В.* Язык и этническая идентичность: урумы и румеи приазовья. М., 2010.
3. *Барт Ф.* Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий. М., 2006.
4. *Башляр Г.* Поэтика пространства. М., 2004.
5. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики*. М., 1975. С. 234–407. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronmain.html (дата обращения: 01.10.2022). (In Russ.)
6. *Загряжкина Т.Ю.* Референтные точки языка и культуры: статика и динамика (на примере Квебека) // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2014. № 2. С. 61–71.
7. *Караулов Ю.Н.* Вехи национально-культурной памяти в языковом сознании русских в конце XX века // *Актуальные проблемы современной лексикографии. Материалы научно-методической конференции, состоявшейся на факультете иностранных языков МГУ, 22 мая 1997. М., 1999. С. 26–37.*
8. *Крюкова О.А.* Академический ландшафт Международной организации франкофонии // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2017. № 3. С. 119–127.
9. *Никифорова Н.В.* «Места знания»: пространственный поворот в истории науки, технологий и общества // *Социология науки и технологий*. 2021. Т. 12. № 3. С. 78–93.
10. *Плассеро И.* Идентичность народов Европы. М.; СПб., 2019.
11. *Рикер П.* Память история, забвение. М., 2004.
12. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М., 2006.
13. *Augé M.* Non-lieux; Introduction à une anthropologie de la surmodernité. P., 1992.
14. *Cajole-Laganière H., Martel P.* Un dictionnaire qui reflète notre identité culturelle/ Le français au Québec: 400 ans d'histoire et de vie // *Dir. De M. Plourde et de P. Georgeault*. Québec, 2008.
15. *Dumont F.* Le lieu de l'homme. Montréal, 1968.
16. *Halbwachs M.* La mémoire collective. P., 1950.
17. *Les lieux de mémoire* / Dir. de P. Nora. En 3 vol. P., 1984–1992.
18. *Les lieux de savoir* / Dir. de Ch. Jacob. En 2 vol. P., 2007.
19. *Létourneau J.* Le Québec entre son passé et ses passages. Québec, 2010.
20. *Villers M.-E.* Le vif désir de durer // *Le français au Québec: 400 ans d'histoire et de vie* / Dir. De M. Plourde et de P. Georgeault. Québec, 2008. P. 584–585.

Tatiana Yu. Zagryazkina

DYNAMICS OF CULTURAL SYMBOLIZATION: FROM PLACES OF MEMORY TO PLACES OF TRANSITION (ON THE EXAMPLE OF FRENCH-LANGUAGE SCIENTIFIC DISCOURSES)

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; tatiana_zagr@mail.ru

Abstract. The article discusses the terminology of cultural memory research — the designations of reference points and/or vectors of culture that are important for

the identification of a person and a collective. It is shown that the symbolization of culture can occur in different forms: the author examines the nominations that are used in the French-language scientific literature when developing the concepts of places (lieux): places of memory, places of knowledge, not places, places of transition. Most of the names with the place component are still close to metaphors and are not well known to the Russian-speaking audience. The article aims to trace the evolution of a number of designations proposed by the French-speaking authors of the second half of the XX–XXI centuries within the framework of theories of places of culture that can find wider application in domestic science. Based on the material of France and Quebec, it is established that in the French-speaking scientific discourse, the reference points of culture can be associated with the symbolism of places and reflect two sides of the existence of culture itself: static and dynamic. These sides are mutually reversible: in the process of the development of culture and language, new references arise, while “old” references are stored in memory, forgotten and resurface, revised and processed. The interchange and reinterpretation of old and new reference points, places of memory and places of transition are a sign and condition for the development of society, culture and discourses about society and culture at different stages of history.

Key words: symbolization of culture; cultural memory; cultural reference; places of memory; places of knowledge; not places; places of transition; French-language scientific discourse.

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Zagryazkina T.Yu. (2023) Dynamics of cultural symbolization: from places of memory to places of transition (on the example of France and Quebec). *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 37–48. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Tatiana Yu. Zagryazkina — PhD in Philology, Professor, Head of the Department of French Language and Culture at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University; tatiana_zagr@mail.ru

REFERENCES

1. Avtomonova N.S., Karaulov Yu.N., Murav'ev Yu.A. 1988. Kul'tura, istoriya, pamyat': o nekotorykh tendentsiyakh noveishei frantsuzskoi istoriko-metodologicheskoi mysli [Culture, history, memory: about some trends in the latest French historical and methodological thought]. *Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 71–87. (In Russ.)
2. Baranova V.V. 2010. *Yazyk i etnicheskaya identichnost': urumy i rumei priazov'ya* [Language and ethnic identity: Urumahs and Rumees of Azov]. Moscow. (In Russ.)
3. Bart F. 2006. *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy: Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichii* [Ethnic groups and social boundaries: The social organization of cultural differences]. Moscow. (In Russ.)
4. Bachelard G. 2004. *Poetika prostranstva* [Poetics of space]. Moscow. (In Russ.)
5. Bahtin M.M. 1975. *Formy vremeni i hronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike* [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics].

- Voprosy literatury i estetiki. Moscow, Hudozhestvennaya literatura*, pp. 234–407. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronmain.html (accessed: 01.10.22). (In Russ.)
6. Zagryazkina T.Yu. 2014. Referentnye tochki yazyka i kul'tury: statika i dinamika (na primere Kvebeka) [Reference points of language and culture: statics and dynamics (on the example of Quebec)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 61–71. (In Russ.)
 7. Karaulov Yu.N. 1999. Vekhi natsional'no-kul'turnoi pamyati v yazykovom soznanii russkikh v kontse XX veka [Milestones of national-cultural memory in the linguistic consciousness of Russians at the end of the 20th century]. *Aktual'nye problemy sovremennoi leksikografii. Materialy nauchno-metodicheskoi konferentsii, sostoyavsheysya na fakul'tete inostrannykh yazykov MGU, 22 maya 1997* [Actual problems of modern lexicography. Materials of the scientific and methodological conference held at the Faculty of Foreign Languages of Moscow State University, 22.05.1997]. Moscow, pp. 26–37. (In Russ.)
 8. Kryukova O.A. 2017. Akademicheskii landshaft Mezhdunarodnoi organizatsii frankofonii [Academic landscape of the International Organization of the Francophonie]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 119–127. (In Russ.)
 9. Nikiforova N.V. 2021. «Mesta znaniya»: prostranstvennyj povorot v istorii nauki, tekhnologii i obshchestva [«Places of knowledge»: spatial turn in the history of science, technology and society]. *Sociology of Science and Technology*, vol. 12, no. 3, pp. 78–93. (In Russ.)
 10. Plassero I. 2019. *Identichnost' narodov Evropy* [Identity of the peoples of Europe]. Moscow, Saint Petersburg. (In Russ.)
 11. Ricœur P. 2004. *Pamyat' istoriya, zabvenie* [Memory history, oblivion]. Moscow. (In Russ.)
 12. Foucault, M. 2006. *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Intellectuals and Power: Selected political articles, speeches and interviews]. Part 3. Moscow. (In Russ.)
 13. Augé M. 1992. *Non-lieux ; Introduction à une antropologie de la surmodernité*. Paris, Seuil.
 14. Cajolet-Laganière H., Martel P. 2008. *Un dictionnaire qui reflète notre identité culturelle*. In De M. Plourde et de P. Georgeault (dir.) *Le français au Québec: 400 ans d'histoire et de vie*. Québec, Fides.
 15. Dumont F. 1968. *Le lieu de l'homme*. Montréal.
 16. Halbwachs M. 1950. *La mémoire collective*. Paris.
 17. *Les lieux de mémoire*. 1984-1992. In P. Nora (Ed.). En 3 vol., 7 livres. Paris, Gallimard.
 18. *Les lieux de savoir*. 2007. In Ch. Jacob (Ed.). En 2 vol. Paris, Albin Michel.
 19. Létourneau J. 2010. *Le Québec entre son passé et ses passages*. Québec, Fides.
 20. Villers M.-E. 2008. *Le vif désir de durer*. In De M. Plourde et de P. Georgeault (dir.) *Le français au Québec : 400 ans d'histoire et de vie*. Québec, Fides, pp. 584–585.

Статья поступила в редакцию 11.09.2022;
одобрена после рецензирования 11.10.2022;
принята к публикации 12.10.2022

The article was submitted 11.09.2022;
approved after reviewing 11.10.2022;
accepted for publication 12.10.2022